

Русское старообрядчество: традиции и новации

Поздеева И. В.

Основой мировоззрения всех старообрядческих согласий является принципиальный традиционализм. Одни согласия строго следят за его осуществлением во всем, связанном с верой; другие требуют следование древним традициям в большинстве или ряде проявлений социальных, семейных отношений и даже в бытовой жизни. Но в ряде случаев следование традициям характерно для всего старообрядчества. Поэтому важно проследить модификации или затухание традиций при их осуществлении старообрядческими общинами при изменении географических, исторических, социальных условий жизни. Попытка проследить реальную жизнь традиции в веках сделана в предлагаемой статье на примере поморских старообрядческих общин Верхотамья.

Ключевые слова: традиция, новации, старообрядчество, принципиальный традиционализм, Верхотамские поморские старообрядческие общины.

Отношения и деятельность: нет.

Поздеева И. В. — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории Церкви Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: нет.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): archlab@mail.ru

Для цитирования: Поздеева И. В. Русское старообрядчество: традиции и новации. *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(1S):47-55. doi:10.15829/2686-973X-2022-86

Russian Old Believers: traditions and innovations

Irina V. Pozdeeva

The worldview of all Old Believers' groups is based on a fundamental traditionalism. One of them strictly monitor its performance in everything associated with the faith; the other ones claim that following the ancient tradition is needed in the majority or prevalence of social, family relations and even in everyday life. But in a number of cases, adherence to the traditional way is a characteristic of the entire Old Believers' community. Therefore, it is important to trace the changes or fading of the tradition in Old Believers' communities according to changes in geographical, historical and social conditions of life. An attempt to trace a real life in the traditions through centuries is made in the proposed article on the topic of the phenomena of the Pomor Old Believers' communities of Verkhokamyë.

Relationships and Activities: none.

Keywords: tradition, innovations, Old Believers, principled traditionalism, Verkhokamsky Pomorsky Old Believer communities.

Irina V. Pozdeeva — Dr. Sc. (Hist.), professor, Lomonosov Moscow State University, History faculty, Department of Church history, Moscow, Russia. ORCID: none.

Corresponding author: archlab@mail.ru

For citation: Irina V. Pozdeeva. Russian Old Believers: traditions and innovations. *Russian Journal of Church History*. 2022;3(1S):47-55. (In Russ.) doi: 10.15829/2686-973X-2022-86

Попытка определить в одном предложении, что такое русское старообрядчество (староверие) с его разнообразием согласий, воззрений и поведенческих систем, привело к формулировке: “Религиозное и социально-культурное народное движение принципиального традиционализма”. Однако справедливое стремление подчеркнуть особенную приверженность старообрядцев определенным традициям (“у нас все как у дедов и прадедов наших”) привело к ошибке, так как понятие “традиционализм” давно и прочно определяет одно из направлений западной религиозной философии XIX в. и имеет мало общего с русским старообрядчеством. Однако совершенно очевидно, что все направления старообрядчества всегда опираются и провозглашают свою верность древним традициям, подчеркивая их незыблемость — то есть свое принципиальное следование традиции.

По признанному определению традиция означает передачу из поколения в поколение обществами, коллективами или группами религиозных, духовных идей, социальных институтов, культурных и художественных ценностей. Традиции — “живая кровь” истории и культуры, национальной идентичности и самоидентификации, они находятся в основе любой социальной и культурной жизни; но традиция остается живой, только если ее передача новым поколениям и эпохам связана с определенными новациями. Эта закономерность носит общий характер, прослеживается в истории любого явления, в том числе достаточно четко в истории старообрядческого движения [Поздеева 1993:124-132].

Нельзя, как это часто мы и делаем, воспринимать традицию как нечто незыблемое, адекватное в разные эпохи. Жизнь традиции определяется не только корректирующими ее или дополняющими новациями. Традиция может, внешне сохраняя “незыблемость”, радикально трансформироваться в зависимости от выбора изменившейся социальной общности; “расщепляться”, то есть изменять только какие-то определенные свои составляющие. Исторические судьбы традиции всегда зависят от реальных и существенных причин, которые, как правило, объясняют “свертывание” или дальнейшее развитие традиции, позволяют проследить ее и глубину прошлого и даже в определенной степени рассчитать будущее.

Попытаемся обратиться к одной из важнейших для старообрядчества проблем и традиций — проблеме брака. В конце XVII в. в старообрядчестве сложились два направления, которые определяют и сегодня жизнь общин: признающих возможность существования спасительной Церкви в послениконовском мире, так называемое поповство, и считающих, что в мире спасительная Церковь уже невозможна — беспоповство. Оба эти

направления старообрядчества вынуждены были по-новому строить земную жизнь, обеспечивающую спасение душ верующих.

Все многочисленные направления беспоповства прямо или опосредованно своим происхождением были связаны с Выго-Лексинским общежитием и ранними выговскими представлениями о скором конце света и о том, что спасти душу в послениконовском “антихристовом” мире можно только ведя строго монашеский образ жизни и отказавшись от брака как религиозно-социального института.

Однако, эсхатологические ожидания беспоповцев не оправдались, и вопрос о необходимости и условиях возможности жизни в браке, несмотря на антихристово окружение, стал одним из самых важных и актуальных для всех старообрядческих согласий. Именно на базе традиционных старовыговских воззрений поморцев о безбрачии как условия спасения, в дальнейшем и складываются традиции различных, не принимающих священство старообрядческих согласий. То есть перед нами преобразование, или точнее, складывание на базе одной традиции новых, резко отличающихся друг от друга.

Хорошо изучены традиции, сложившиеся в сельскохозяйственном Верхокамье [Поздеева 1989]. Они, несомненно, отражали и удовлетворяли потребности именно старообрядцев-поморцев; о времени возникновения этих традиций в регионе говорит найденная переписка 1730-х гг. Симеона Денисова и местных поморских общин [Послание 1994:234-235]. Очевидно, образ жизни верхокамских старообрядцев сложился, судя по найденным памятникам, не позднее 1730 — 1750-х гг. В социальном отношении это были территориальные религиозные общины, которые переняли ряд функций поземельной крестьянской общины, сохранив их до конца XX в. (например, “помочи”).

Внутреннее строение верхокамских старообрядческих общин позволяло выполнять требования ведения сельского хозяйства, продолжения рода крестьянской семьи и условия безбрачия ее полноправных членов. Это достигалось разделением общины на “соборных” и “мирских”. “Соборными”, то есть полноправными членами общины-собора могли быть люди, или не достигшие репродуктивного возраста или после его завершения; они выполняли монашеское правило, а также целую систему запретов, которые отделяли их от влияния окружающего антихристового мира. Мирским же, которых воспитывали соборные, разрешались работа на государство, брак и семья, использование современной техники, общение с представителями других христианских конфессий, но запрещался брак с представителями других вер и некоторые иные моменты [Мяло 2008:86-89].

В 1860-е гг. единая верхокамская поморская община разделилась на две, существующие и сегодня, враждующие друг с другом части — деминцев и максимовцев [Пермская рукопись 1982:247-265], каждая из которых старалась доказать свою большую приверженность старине. В результате этого раскола началась архаизация всего быта местных крестьян-поморцев. Речь шла о традициях материальной культуры Выго-Лексинского общежития, фактически полностью само себя обслуживавшего [Димухаметова 2010].

В XIX в., когда русская деревня, в том числе и пермская, стала активно использовать предметы фабричного производства, в Верхокамье каждая община старалась иметь своих собственных ремесленников, которые полностью удовлетворяли потребности ее членов: строителей, печников, гончаров, сапожников, изготовителей сельскохозяйственных орудий, деревянной посуды и др. До конца XX в. здесь сохранялось домашнее производство пряжи, разнообразное сложное ткачество (“на восьми нитченках”), изготовление одежды древнего покроя для соборных, плетение корневаток и лаптей, бортничество и др. В каждом доме в долгие зимние вечера женщины пряли, спускались с чердаков ткацкий станы (кросна), прялки, швейки и другие орудия женского домашнего ремесла. Необходимо отметить высокое мастерство ткачих, которое особенно сказалось в подборе цветов и сложном рисунке скатерти [Димухаметова 2010].

В конце XX в. в поморских общинах сохранились выговские традиции коллективной собственности на книги и строгие правила их использования членами общины, зафиксированные в найденных документах [Описание соборного заведения 1999:377-394]. Также строго сохраняли устав ежедневного и праздничного богослужения, которое совершалось в положенное время суток, многодневные и однодневные посты и традиционные обычаи и обряды. Хотя к нашему “открытию” Верхокамья в 1972 г. здесь уже третье поколение не умело петь по крюкам, специалисты отметили твердое сохранение древних напевов литургической музыки. Кроме этого, верхокамские поморцы сохранили уникальный комплекс духовных стихов: более 100 текстов и 65 напевов [Игошев 1987:37-39].

Таким образом, перед нами не только создание новой социальной старообрядческой традиции жизни в браке, материальной традиции, но и сохранение до конца XX в. древней духовной жизни поморских общин.

Несомненно, многие из этих традиции в XX в. не сохранялись полностью, а “расщеплялись”, что-то утратив. Например, если выговская традиция не позволяла использовать в пищу ничего из магазинов или с рынков, то сначала верхокамским соборным разрешили покупать натуральные продукты (овощи, фрукты, зерно, ядрицу), а когда рыба в местных реках почти исчезла, соборы общин разрешили покупать мороженую рыбу, промывая ее в проточной воде с Иисусовой молитвой.

Показательно изменение традиции, запрещавшей молиться в тех помещениях, в которых использовалась современная бытовая техника. Сначала было разрешено молиться в домах с электричеством, затем, где было радио, наконец, в домах с телевизором, который выносили из комнаты, а затем только закрывали тканью. Приехав в середине 1990-х гг. в Верхокамье, мы увидели в доме духовного отца максимовцев телевизор, старик сказал поразительную фразу, характеризующую судьбы древних традиций: “А он большоротой пере-силит”. Но в то же время одинокий старик-соборный был “отставлен”, то есть “запрещен”, за использование резинового шланга при поливке огорода, то есть развитие традиции гораздо сложнее, чем кажется первоначально¹.

¹ Максимовцы были гораздо строже, чем деминцы, в запретах на использование “новшеств” современности — так они запрещали езду соборных на машинах.

Другая традиция решения проблемы семьи и брака сложилась в самом распространенном беспоповском согласии — у федосеевцев. Федосеевцы, крупная старообрядческая община, созданная в конце XVIII в. за Преображенской заставой Москвы, объединяла московские промышленные и торговые старообрядческие слои города, веками искавшие решение проблемы брака. В XIX в. было принято решение о возможности замены церковного чина венчания чтением нескольких специальных канонов и молитв. Федосеевское согласие с этого времени разделилось на “брачников” и “безбрачников”, общины которых и сегодня существуют во многих регионах России.

Третий тип решения проблемы брака и семьи, сложившийся у беспоповцев, связан с согласием бегунов или странников [Сморгунова 2001:87-108], которые традиционно называют поколения детей и родителей сестрами и братьями, разрешая при таковых наименованиях свободные сексуальные отношения и семейную жизнь. В очередной раз уезжая от замечательной женщины — матушки Галины [Сморгунова 1999:179-198], главы значительного района проживания бегунов-странников, мы услышали ее просьбу: “Васильевна, зайди в селе к моему бывшему сыну”.

То есть только изменив наименование детей и не заключив формально брака, бегуны-странники считали, что если и нарушают запрет антихристового времени, то и этот грех “смывается” с них традицией “крещения в смерть”. Крещение в этом согласии совершается непосредственно перед самой смертью. Если человек после крещения выживает, он уже должен вести строгую монашескую жизнь.

Принципиально изменив традиции социальной организации, взаимоотношений с государством и его учреждениями, бегуны, как и остальные старообрядческие согласия, прочно сохраняли монашеское молитвенное правило и взаимоотношения внутри своих небольших убежищ. Такое решение объясняется тем, что согласие бегунов сложилось в совершенное иное время, на иной социальной базе и, фактически, отвергло большинство старообрядческих социальных и культурных традиций, кроме тщательно исполняемого древнего устава богослужения.

Нам первыми удалось установить доверительные отношения с руководителями одного из районов, в котором в последней четверти XX в. сохранились тайные группы бегунов. Нас поразила преданность их своей вере, достаточно сложная социальная организация, строгая дисциплина находящихся в разных населенных пунктах членов этого согласия и, кажущееся невозможной при их отношении ко всему государственному, доброе расположение к нам и понимание наших задач.

Информация о нас и о возможности принять нас, очевидно, была сообщена в бегунские дома всего района, так как через год после нашего расставания с матушкой Галиной, Г. Н. Чагин с группой студентов попал, судя по высоким заборам и крепким воротам в деревню, где жили бегуны “странноприимцы”. Ни в один дом группу Георгия Николаевича не пускали, пока не были названы наши имена и фамилии, что и открыло им ворота во все дома. Оказалось, что здесь живут “сестры”, женщины из окружения матушки Галины, а, возможно, и ее дочери.

Не проще складывались и судьбы общин, признающих возможность сохранения в послениконовском мире полноты спасительной Православной церкви. В 1690-х гг. сложился общерусский центр старообрядцев-поповцев на землях польских панов Халецких у небольшого местечка Ветка, окруженного позднее записными торгово-ремесленными старообрядческими слободами и находившийся на границе с белорусскими землями и современной Брянской области России. Руководство возникших здесь нескольких крупных старообрядческих монастырей своей задачей всегда считало создание полной старообрядческой Церкви. Однако решена эта задача была только в середине XIX в. Пока были живы и служили на Ветке священники дониконовского поставления, ветковская Покровская церковь, возникшая в 1696 г., могла окормлять окружающее население и, прежде всего, совершать таинство венчания. Когда священники древнего поставления ушли из жизни, а своего епископа, который мог бы поставить новых священников, так и не обрели, и этому согласию пришлось прибегать к невиданным новациям — привлечению священников, поставленных в сан уже новой, считающейся антихристовой, Церковью. В определенной степени, принимая это решение, ветковцы могли опереться на совет протопопа Аввакума обращаться к священникам нового поставления, если они совершают требы по дониконовским книгам. Сначала таких священников ветковцы перекрещивали первым чином; затем, понимая, что второе крещение невозможно, стали принимать вторым чином, а потом и третьим — отречением от сатаны. Это направление старообрядчества стало называться беглопоповством.

В последней четверти XVIII в. центр ветковцев-беглопоповцев возник в Москве за Рогожской заставой. Беглопоповцы считали свое положение временным и продолжали стремиться восстановить древние традиции полноты Церкви. Это удалось сделать, когда на сторону старообрядцев перешел греческий митрополит Амвросий, который в местечке Белая Криница поставил для беглопоповцев священников и епископов.

После Указа о веротерпимости 1905 г. представитель белокриницкой Церкви (точнее, церкви, признающей белокриницкую иерархию) талантливый богослов Г. В. Сенатов² опубликовал сочинение, в котором, опираясь на Божье обетование, что Церковь Христова будет пребывать до скончания времен и на историю раннехристианских церквей, которые также как бы прекращали полноту своего существования на определенное время, доказывал, что Белокриницкая церковь является прямым продолжением дониконовской Русской православной церкви [Поздеева 1996:178-188]. Сейчас это Русская православная старообрядческая церковь (РПСЦ). Иными словами, мы видим важнейшие традиции — у беспоповцев безбрачия, а у поповцев — церковного брака, кардинально изменивших формы их осуществления; в течение достаточно долгого времени общины находили новые способы сохранять традиционные цели безбрачия или брака, предполагавшего совершение церковного венчания.

² Сенатов Гавриил Васильевич — наставник федосеевцев, перешедших в поповство, много публиковавшийся в старообрядческих журналах. См. "Философия истории старообрядчества". М., [1905-1910], переиздана в 1995.

Независимо от согласия старообрядческие общины уже в начале XVIII в. вырабатывают традиции, общие для всего этого движения: соби- рание, сохранение и особое почитание древних книг и икон, предметов древней народной культуры. Напомню, что половина всего древнего пись- менного наследия и древних памятников иконописания в наших храни- лищах были спасены, собраны и переданы старообрядцами [*Поздеева* 1990:106], также как и древнейшее крюковое пение, духовные стихи — это национальное богатство, знание которого сохранили именно старо- обрядцы.

Еще одна замечательная традиция, воспринятая старообрядческими общинами, промышленниками и купечеством, продолжала христиан- скую благотворительность. Если пройти по улицам Москвы, то мы увидим десятки благотворительных учреждений, вдовьих и сиротских домов, построенных и содержавшихся старообрядцами.

Особенно важно понять еще одну черту старообрядчества, выработан- ную в результате необходимости в течение веков существования в рам- ках двух традиций: древней веры и культуры с одной стороны, и, с другой стороны, постоянно меняющейся современной жизни, к которой так или иначе должно было приспособливаться старообрядчество. Это постоян- ное существование в рамках двух социальных и культурных систем, двух культурных кодов и выработало у русских старообрядцев, как они сами формулировали, “чутье на новины”, именно те “новины”, которые давали экономические, культурные и даже политические возможности сохра- нять традиции древней веры. Это и выработало у старообрядцев особое чутье на те новшества, которые оказывались важными для России [*Позде- ева* 1999:6-40], и позволяли старообрядцам находить социально-экономи- ческую нишу в любых зарубежных странах, в иных природных условиях в окружении чуждой культуры и языка.

Невозможно в рамках доклада, задачей которого является только под- черкнуть перспективы изучения проблемы, сказать больше, чем напо- мнить о липованах в Румынии, старообрядцах, поселившихся в Турции, общинах Южной и Северной Америки, Канады, нашедших там свое место и свое занятие. Позволю себе также только напомнить о знаменитом пути вокруг света, пройденном старообрядцами за 100 лет — с русских берегов Тихого океана до создания поселений на побережье Аляски.

Известны заслуги старообрядцев в развитии российской промышлен- ности и торговли; упомянем создание в России двух важнейших условий современного промышленного развития: изобретение нижегородским купцом нефтеналивного судна и привнесение в российскую экономику новой финансовой банковской системы. Именно старообрядцами был создан ряд промышленных направлений, важных для нашей современ- ности. Особенно показателен пример создания в России первых фабрик по переработке крови. В Москву пришел 10-летний сирота, закончив- ший только двухклассное приходское училище. Он стал химиком и физиком, прожив только 40 лет, с помощью единоверцев создал первые фабрики по изготовлению альбумина, который еще мало был востребован в России, но раскупался европейскими странами.

И в заключение еще раз напомним о важном положении, которое формулируется специалистами, изучающими судьбы традиций. Исследование традиции не только позволяет рассчитать возможное будущее ее носителей, но и понять их прошлое. Отсюда и вытекают самые существенные перспективы, которые требуют не просто фиксировать традиции старообрядческих согласий, но и изучать их возникновение и принципы развития. Очевидно, что именно традиции — наилучший индикатор для оценки современного состояния старообрядческих общин любого согласия.

Литература

1. Димухаметова 2010 — Димухаметова, С. А. (2010). *Мир вещей русских крестьян: XIX — XX вв. Традиционная культура русского старообрядческого населения Верхокамья: Каталог*. Пермь. ISBN: 978-5-98799-097-1.
2. Игошев 1987 — Игошев, Л. А. (1987). Старообрядческие музыкальные традиции как источник по изучению древнерусской музыкальной культуры. *Археография и изучение духовной культуры. III Уральские археографические чтения*. Свердловск.
3. Мяло 2008 — Мяло, К. Г. (2008). *Традиционная община в историческом времени: реликт или альтернатива, Традиционная культура позднего русского средневековья*. Ч. II. Ярославль.
4. Описание соборного заведения 1999 — "Описание соборного заведения книг и икон и прочих приносимых и пожертвованных вещей" (публикация И. Л. Ровинской) (1999). *Мир старообрядчества. История и современность*. М., 5. ISBN: 5-85992-008-3.
5. Пермская рукопись 1982 — Пермская рукопись XIX века "О разделе" (публикация Е. М. Сморгуновой) (1982). *Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966 — 1980 гг. М.*
6. Поздеева 1988 — Поздеева, И. В. (1988). Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества: (первый период — аккумуляция). *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Akten des Heidelberger Symposions vom 28 bis 30 April 1986*. Heidelberg.
7. Поздеева 1989 — Поздеева, И. В. (1989). Старообрядческая культура Верхокамья — конкретно-исторический вариант выго-лексинской традиции. *Историография и источниковедение истории старообрядческого Севера*. Вологда., II.
8. Поздеева 1990 — Поздеева, И. В. (1990). Историческое бытование изданий Московского печатного двора в первой половине XVII в. (Тезисы). *Abstracts: IV World Congress for Soviet and East European studies (Harrogate. 21-26 July 1990)*, Ed. R. Hutchings [s. l.].
9. Поздеева 1993 — Поздеева, И. В. (1993). Традиции и новации в жизни современного русского старообрядчества, Историческое познание традиции и новации. *Материалы международной теоретической конференции*. Ижевск., 1.
10. Поздеева 1996 — Поздеева, И. В. (1996). Книжность современного старообрядчества как инструмент сохранности и воспроизведения традиции: социально-культурные функции и структура. *Культура русских-липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте. Первый международный семинар. Тульча (1-4 октября 1993 г.)*. Сборник научных сообщений. [Б. м.].
11. Поздеева 1999 — Поздеева, И. В. (1999). Русское старообрядчество и Москва в начале XX века. *Мир старообрядчества*. Вып. 2: Москва старообрядческая. М.
12. Послание 1994 — [С. Денисов]. Послание верхокамским старообрядцам. (1994). *Вверительная грамота для первого поморского учителя в Верхокамье Григория Яковлевича. Рукописи Верхокамья: Каталог*. М. Приложение.
13. Сморгунова 1999 — Сморгунова, Е. М. (1999). Портреты и образы наших "благодетелей". Портрет первый: Матушка Галина. *Мир старообрядчества*. Вып. 5: История и современность. М. ISBN: 5-211-03954-8.
14. Сморгунова 2001 — Сморгунова, Е. М. (2001). Старец Никита Семенович и догматика бегунства (по рукописям пермской коллекции МГУ). *Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного исследования. Материалы научной конференции*. Пермь. ISBN: 5-7944-0251-2.

References

1. Dimukhametova 2010 — Dimukhametova, S. A. (2010). *The world of things of Russian peasants: XIX — XX centuries. Traditional culture of the Russian Old Believer population of Verkhokamy: Catalog*. Perm. ISBN: 978-5-98799-097-1.
2. Igoshev 1987 — Igoshev, L. A. (1987). Old Believer musical traditions as a source for the study of Old Russian musical culture. *Archeography and the study of spiritual culture. III Ural archeographic readings*. Sverdlovsk.
3. Myalo 2008 — Myalo, K. G. (2008). *Traditional community in Historical time: Relic or Alternative, Traditional Culture of the Late Russian Middle Ages*. Part II. Yaroslavl.
4. Description of the Cathedral institution 1999 — "Description of the Cathedral institution of books and icons and other things brought and donated" (publication by I. L. Rovinskaya) (1999). *The world of Old Believers. History and Modernity*. М., 5. ISBN: 5-85992-008-3.

5. Perm manuscript 1982 — Perm manuscript of the XIX century "About the section" (published by E. M. Smorgunova) (1982). *Russian Written and Oral Traditions and Spiritual culture (based on the materials of the archaeological expeditions of Moscow State University 1966 — 1980. M.*
6. Pozdeyeva 1988 — Pozdeyeva, I. V. (1988). The Old Russian heritage in the history of the traditional Book culture of the Old Believers: (the first period is accumulation). *Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Akten des Heidelberger Symposions vom 28 bis 30 April 1986*. Heidelberg.
7. Pozdeeva 1989 — Pozdeeva, I. V. (1989). The Old Believers' culture of Verkhokamyje is a concrete historical variant of the Vygo-Leksin tradition. *Historiography and source studies of the history of the Old Believer North*. Vologda., II.
8. Pozdeyeva 1990 — Pozdeyeva, I. V. (1990). The historical existence of publications of the Moscow Printing Yard in the first half of the XVII century. (Abstracts). *Abstracts: IV World Congress for Soviet and East European studies (Harrogate. 21-26 July 1990)*, Ed. R. Hutchings [s. l.].
9. Pozdeeva 1993 — Pozdeeva, I. V. (1993). Traditions and innovations in the life of modern Russian Old Believers, Historical knowledge of traditions and innovations. *Materials of the international theoretical conference*. Izhevsk., 1.
10. Pozdeeva 1996 — Pozdeeva, I. V. (1996). The bookishness of modern Old Believers as an instrument of preservation and reproduction of tradition: socio-cultural functions and structure. *Russian culture-Lipovans (Russian Old Believers) in the national and international context. The first international seminar. Tulcha (October 1-4, 1993). Collection of scientific reports*. [B. M.].
11. Pozdeeva 1999 — Pozdeeva, I. V. (1999). Russian Old Believers and Moscow at the beginning of the twentieth century. *The world of Old Believers*. Issue 2: Moscow Old Believers. M.
12. Message 1994 — [p. Denisov]. A message to the Verkhokamsky Old Believers. (1994). *A letter of credential for the first Pomeranian teacher in Verkhokamyje, Grigory Yakovlevich. Manuscripts of Verkhokamyje: Catalog*. M. Appendix.
13. Smorgunova 1999 — Smorgunova, E. M. (1999). Portraits and images of our "benefactors". Portrait one: Mother Galina. *The world of Old Believers*. Issue 5: History and Modernity. M. ISBN: 5-211-03954-8.
14. Smorgunova 2001 — Smorgunova, E. M. (2001). Elder Nikita Semyonovich and the dogmatics of running (according to the manuscripts of the Perm collection of Moscow State University). *The Old Believers' world of Volga-Kamya. Problems of complex research. Materials of the scientific conference*. Perm. ISBN: 5-7944-0251-2.